

ТРОПОЙ ДАЛЕКИХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

К 100-летию
Алексея Павловича Окладникова

настоящее время я вел
логические исследования в
Амуре, на Колыме, в долине
Якутии, на Таймыре, в
(Узбекистан, Таджикистан,
там же в Монгольском Наро
ике (долина р. Орхон, "Халхан-
5и). Всего заредел около 25-ти
института докторскую диссертацию на
ки по древней истории Якутии!"
ее 100 печатных работ, в том числе
о монгольских публикаций
из истории западных бурят-монголов,
стория Якутия, гол. 1, 1949, Ленинские
(два вступая), древнеерские поурн
ди и Берегов Таймыра)
кандидат в кандидата ВКП(б); в 1946 г. -
Народки. Работал в 1948-1949 гг. секретарем
ной организации ЛОИИИ.
ли назначен зам. директора ИИИИ
градский отделением института. В 19
идема Свободной армии 2-й степени
у о палеонтологическом человеке из гр
ик-Таму.
А. Окладников
Ленинград, 19/III.50г.

Деревяшко Е. И., Закстельский А. Б.
ТРОПОЙ ДАЛЕКИХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ.
Страницы из жизни археолога и путешественника.
Новосибирск : ИНФОЛИО, 2008. — 200 с.: ил.
ISBN 978-5-89590-103-8

Книга посвящена удивительному человеку, замечательному ученому, академику Алексею Павловичу Окладникову и его верной спутнице жене, художнице Вере Дмитриевне Запорожской — любящим друг друга и посвятившим себя без остатка служению науке. А. П. Окладникова отличала нечеловеческая работоспособность и неистребимая на протяжении всей жизни жажда знания. В истории археологии, наверное, нет другого археолога, который столько бы прошагал, проплыл на лодке, проехал верхом на лошади, который раскопал бы столько памятников, хронологически охватывающих всю историю человечества.

Археолог научился видеть прошлое так ясно, словно сам сидел рядом с первобытными людьми у их костров, вместе с ними мчался за мамонтами, а затем вырезал у зверя печенку и жадно ел ее, еще окровавленную, дымящуюся.

Далекие сны человечества! Десятки, а то и сотни тысячелетий отделяют их от наших дней. И все же археолог научился находить их связь с современностью. И когда ему это удавалось, открывалась правда о прошлом народов Азии.

Поискам правды истории А. П. Окладников отдал десятилетия, как он говорил, «скитаний по временам и странам».

Тысячи километров проплыл он на лодке по Лене, Колыме, Ангаре, Амуру, Зее. Пробирался сквозь дебри Уссурийской тайги и сыпучие пески Каракумской пустыни, вел раскопки в черной Гоби и на бескрайних

Е. И. Деревяшко, А. Б. Закстельский
ТРОПОЙ
ДАЛЕКИХ
ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

просторах Монголии, в вечной мерзлоте заполярной тундры, карабкался по скалам Сихотэ-Алиня и Ала-Тау, скитался по горным ущельям и пещерам Средней Азии, по островам Ледовитого океана и у вулканов Курильской гряды. Сколько раз они с женой оказывались на грани гибели — тонули в бурных реках, блуждали в тайге, попадали в логова зверей и в змеиные гнезда, висели над пропастями...

Книга представляет собой серию самостоятельных очерков, объединенных в цикл, где авторам удалось удачно совместить научно-популярный и мемуарный жанры. Ее дополняет прекрасный иллюстративный материал. Практически все иллюстрации публикуются впервые, особенно интересны экспедиционные акварели и рисунки В. Д. Запорожской.

Е. И. Деревяшко, А. Б. Закстельский
(Из предисловия к книге)

ВЕТРЫ ОТШУМЕВШИХ ВРЕМЕН

... Пришла мне на память известная арабская сказка, как некий человек посещал через каждые пятьсот лет одно и то же место, где встречал попеременно то город, то море, то леса и горы, и всякий раз на свой вопрос получал один и тот же ответ, что так было от начала веков.

Н.М. Пржевальский

Ленинград окутывала дождевая пелена. Дождь заливал улицы, площади, мосты. Хлестко бил в лицо. Казалось, осенняя непогода готовила археолога и его жену к тем испытаниям, которые их ждали на севере.

Впрочем, они не замечали ее.

Они покинули зал счастливые: защита диссертации Алексеем Павловичем прошла блестяще.

У выхода их остановил скрывающийся под зонтиком человек, которого они не сразу узнали.

— Поздравляю!

Грибановский! Жмурится от хлесткого дождя и улыбается. Он зашагал рядом с Алексеем Павловичем и Верой Дмитриевной.

— С удовольствием слушал вас. С превеликим удовольствием. Впереди у вас докторская.

— О, надо еще набрать материал для нее.

— Разумеется. Но поработать материал для диссертации — это доблесть, а звание — это награда за доблесть.

— Метко сказано, но поскольку так, позволю себе применить к данному случаю изречение Спинозы: счастье не в награде за доблесть, а в самой доблести.

Якутия. Акварель.
СПб филиал
Архива РАН

— Что это вы сегодня увлеклись цитатами? — засмеялась Вера Дмитриевна.

— И должен сказать, занялись кстати. Нужен материал для докторской? Есть таковой.

— Даже так? — удивилась Вера Дмитриевна.

— Представьте. Слыхал я, что сейчас решается вопрос, где вам проводить работы. У меня на сей счет есть предложение.

Окладников взглянул на него: неужели предложит Якутию? Дебри тайги. Суровая река с крутобокими берегами. Комары, мошка, медведи, непогода ... И, наконец, тундра, молчаливая, безрадостная. Заполярье.

Якутия — это, пожалуй, самое трудное, что можно было ожидать.

— Я специально приехал к вам из Якутска, чтобы сделать такое предложение. В плане тех работ, которые вы выполняете, это будет прямым их продолжением. О бурятах вы уже многое сказали, теперь очередь за якутами.

И улыбнувшись:

— А потом тунгусы, гиляки, орочи, ненцы, айны, эскимосы... Кроме того, раскрытие истории якутов — блестящая тема для докторской диссертации. Это важно.

— Важно, не спорю, но не главное, — заметил Окладников.

— Конечно. И потом, выяснить историю якутов — это слишком тяжелый путь для достижения даже докторской.

— Пойдемте лучше к нам домой, какой разговор по дороге, — заметила Вера Дмитриевна.

— К вам? Всегда с полным удовольствием.

Гость, высокий, массивный ввалился в небольшую комнатку Окладниковых. Она сразу стала меньше, переполненная людьми.

— Ну и погодка, — потирая озябшие руки говорил Грибановский. — Не поймешь что: ни дождь, ни снег, ни зима, ни лето. То ли дело Якутия! Там все четко. Зима — коченеешь, лето — горишь. Дождь — словно кадушку с

водой на голову опрокинули, а заснежит — словно в вату весь мир окутали. Ни зги!

И наклонившись и глянув в глаза Окладникову:

— Уговорил? Якутский институт языка и литературы решил заняться археологией. Пора. Подумать только: самый многочисленный народ Северной Азии, а мы, по существу, не знаем его исторических корней. Триста лет ученые пытаются найти эти корни. Но ничего разгадать не могут. Подумать только! Триста лет! Загадка загадок.

Окладников задумался. Да, загадка не из легких. Огромная территория. Кругом народы, говорящие на языках тунгусов, палеоазиатов. И вдруг среди них огромный, самый многочисленный народ, говорящий на языке тюркской системы, языковой системы народов южных степей — казахов, уйгуров, туркмен, киргизов. Как на далеком Севере вдали от тюркских народов по-

явился обломок степного мира? И почему тут же оказались вкрапленными в его территорию палеоазиаты — юагиры, эвены и тунгусские племена?

Тайн, связанных с Якутией, очень много.

Грибановский, словно уловив его мысль, продолжил:

— Откуда в якутском языке издавна живут названия зверей и пернатых юга? Барс, верблюд ... Откуда в нем слова земледельцев: просо, пашня, посев, когда якуты известны только как скотоводы, а не земледельцы. Старый календарь не подходит к нынешнему, жеребята

Якутия. Масло.
СПб филиал
Архива РАН

Якутия.
Карандаш,
акварель.
СПб филиал
Архива РАН

стали рождаться на два месяца позднее, чем положено по старому календарю, реки стали вскрываться позже. И наконец, сколько в былинах и песнях тоски по знойным волшебным краям, где ярко светит солнце, где вечное лето и вечно поют птицы? Мне лично кажется, что якуты жили на юге, но злой волей, не знающей сострадания, они были оттуда изгнаны и сбежали на север. Страшная судьба целого народа. Но это мне так кажется, может быть, ничего этого и не было? А вообще теорий существует много. Но ни одна из них не смогла найти исчерпывающего подтверждения и тем более доказательства в языке или этнографии якутов, становилось все более очевидным, что ключ к истории якутов должны искать археологи.

Он положил руку на плечо Окладникова и закончил:

— И вот, Алексей Павлович, меня послали сюда, чтобы просить вас заняться этой загадкой.

Пили чай с вареньем, размышляли, продолжая беседу.

За окном, выходящим на Невский проспект, кружила мокрая метель, сквозь ее муть чуть проглядывал Казанский собор.

Грибановский глядел в окно, грел руки о стакан с горячим чаем и не спеша говорил:

— Якутский народ богат преданиями. Возьмите легенду об Эллее, который якобы пришел с юга и положил начало якутскому народу. Да и не только он. По преданию, Омогой-бай пришел еще раньше его. А старец Улуу-Хоро, приехавший на быке, еще раньше. Вот еще одна загадка: почему живут три легенды? И вместе с тем это нить, за которую можно уцепиться. Или возьмите легенду о том, что Эллей владел письменностью, а затем ее потерял. Загадка? А вместе с тем напрашивается мысль: не скрывается ли в этой легенде интересный исторический материал? В Якутске много сказителей. Их рассказы часто исторически обоснованы. А богатей-

Якутия. Масло.
СПб филиал
Архива РАН

ший эпос Якутии? Конечно, из этого и только из этого выводить историю якутов невозможно, но если к этому приплюсовать, или даже вернее, если это поставить на прочный фундамент археологических открытий — это может дать великолепный эффект. Эпос мог приоткрыть прошлое народа примерно на двести, ну триста лет. А что было раньше? Тут слово за археологами.

Он помолчал и продолжал:

— Вы столько лет работали на Ангаре и в верховьях Лены. Почему бы вам не пройти дорогой Эллея дальше на север, на среднюю Лену, а может быть, и в ее низовья, к Ледовитому океану? Таким путем можно решить проблему.

Окладников усмехнулся. «Таким путем», сказано это легко, словно речь шла не о 6000 километров, которые пришлось бы пройти. Понятно, Грибановский не хотел устрашать археолога предстоящей работой, хотя прекрасно понимал, что пройти на лодке тысячи километров сквозь туманы, дожди, тучи комаров и мошки,

быть может, льды в трудных условиях тайги и тундры, в бездомности в возможных холодах — это труд, пожалуй, нечеловечески тяжелый.

Но кто-то должен был вынести его на своих плечах, без этого загадку народа не раскрыть.

Конечно, это понимал и Окладников.

— Николай Николаевич, — сказал он, — я подумаю, посоветуюсь с Верой Дмитриевной, согласится ли она на такое путешествие.

Грибановский молча поглядел на Окладникова:

— Неужели вы думаете брать с собой Веру Дмитриевну?

И тут у него невольно прорвалось его истинное мнение об этой экспедиции.

— Алексей Павлович, вы, видимо, не ясно представляете, каким трудным будет это путешествие. Я бы даже сказал — нечеловечески тяжелым.

Он сказал это тихо, чтобы не слышала Вера Дмитриевна, читавшая в углу комнаты. Но она услышала.

— Что из того, если даже очень трудно? — поднимаясь и подходя к собеседникам, сказала она. — И кроме того, в экспедиции я не женщина, а археолог.

Грибановский смутился:

— Смею не согласиться, Вера Дмитриевна. Женщина всегда остается женщиной, даже если она воин. Однако Алексею Павловичу я завидую.

— Алеша, — сказала она, — поскольку Николай Николаевич говорит, что нас там ждут, придется ехать.

И Грибановскому:

— Будем заниматься тем, чем занимаются обычно археологи: будем ловить ветры отшумевших времен.

— Это остроумно, — сказал Грибановский. — Поверьте, Якутия богата ветрами истории. Вы их встретите даже у берегов Ледовитого океана.

И он был прав.

* * *

Северу Азии выпала особая роль в истории. Сюда льды надвигались медленно. И рядом с ними на свободных от них прогалинах земли шла жизнь своим чередом, приспособиваясь к холодам. Здесь появился особый мир выносливых животных и птиц. Он креп, размножился и, теснимый волнами нестерпимого холода, которые время от времени прорывались с севера, в поисках лучших мест и в ожидании лучших времен, распозался на юг, на восток. Он пробрался до Крымского побережья и берегов Средиземного моря — этот мир животных, рожденных на севере Азии.

В те далекие тысячелетия рождались и умирали моря и реки, росли и исчезали горы, материки опускались в океанскую пучину. Было время, когда Старый и Новый

Якутия. Акварель.
СПб филиал
Архива РАН

С профессором Хрдличкой
и В. Д. Запорожской, 1940—1950 гг.
СПб филиал Архива РАН

Свет жили как один материк. И по северному перешейку, где лежит Камчатка, Аляска, где пролег Берингов пролив, где остатками прошлого возвышаются над Океаном Новосибирские острова и острова Де Лонга. По этому мосту, что когда-то соединял Азию и Америку, из Нового Света в Старый мчались стада северных оленей, а навстречу им шли тяжелые мамонты.

И, видимо, в то время за мамонтами прошел из Старого Света в Новый первобытный охотник.

Такого мнения придерживался Алеш Хрдличка — чешский ученый, живший в США.

Хрдличка был высокого мнения о Сибири, о ее прошлом и будущем. Он неоднократно бывал в Сибири. После открытия Окладникова в Тешик-Таше восьмидесятилетний антрополог специально приехал в Ленинград, чтобы взглянуть на скелет маленького неандертальца. А потом решил побывать в экспедиции тогда еще молодого Окладникова. При нем Окладников раскопал погребение глазковской эпохи, эпохи перехода человека

от камня к металлу. Раскопки открыли картину, полную трагизма. Рядом лежали скелет мужчины, женщины и ребенка. В бедренной кости женщины торчал каменный наконечник стрелы. Старый ученый долго стоял молча. Молчал и Алексей Павлович. Ему казалось, что в тишине, которая воцарилась вокруг, далекое прошлое кричало о себе голосами, наполненными болью и горем. Каких только страниц нет в истории человечества. Умер воин, и по закону тех времен должна была оборваться жизнь его жены или наложницы. Женщина гордо встретила смерть. Она стояла лицом к тому, кто должен был убить ее. Она смотрела в глаза смерти. Кто же пустил в нее стрелу. Его брат, отец? Или кто-то еще? О чем он думал, убивая женщину и ее ребенка? Конечно, если умерла мать, кто же будет кормить ее младенца? Одна смерть влекла за собой другую, другая — третью. Во имя слепой веры в потусторонний мир, которого никто никогда не видел. Человек всегда тяжело расплачивался за выдуманных им богов. Они входили на Олимп как всемогущие

тираны, а уходили как ничтожества. Люди это видели, горько раскаивались, потом повторяли прежнюю ошибку, рождая новых кумиров. Боги появлялись и исчезали. О них все забывали: их имена, их лица. И только тяжелые следы, оставленные ими в истории человечества, говорят: смотрите — здесь проходили боги и богини!

Так размышлял над захоронением Окладников. Хрдличка вдруг нагнулся, поднял череп мужчины и стал внимательно его разглядывать. «Так и есть, — тихо сказал он. — Черты индейца. И у индейцев существовал обычай: если умирала мать и у нее не было сестры, которая могла бы кормить ребенка, то его также умерщвляли. Я нахожу в Сибири черты аборигенов Нового Света. Еще много лет назад высказывал предположение, что Новый Свет был заселен людьми Старого Света. Для проверки этой теории я приезжал в Сибирь еще в 1912 году. Кое-какие материалы нашел. И вот новые подтверждения. Люди из Сибири в далекие, незапамятные времена пришли в Америку. По Сибири проходила большая дорога истории человечества».

На Аляске. 1974 г.
Акварель.
СПб филиал
Архива РАН

Анангула, США,
1974 г.
Архив
А.К. Конопацкого

Тогда Хрдличка еще не мог знать, что его теория полностью подтвердится. Будет найдено много данных, показывающих родство народов Севера Азии и американских индейцев. И будут доказательства того, что был вполне возможен переход из Старого Света в Новый, поскольку Старый и Новый Свет на севере не раз смыкались. Морская глубина между Аляской и противостоящей ей северной оконечностью Азии — примерно 60 метров. И стоило уровню моря опуститься хотя бы на сто метров, между Азией и Америкой образовывался гигантский сухопутный мост шириной, по крайней мере, в полторы тысячи километров, по которому мамонты легко могли перейти в Новый Свет, могли переходить из Америки в Азию, а наоборот — северные олени или мохнатые носороги. А следом за зверем шел человек, который жил благодаря этому животному миру. Кстати, изучение морских отложений на этом перешей-

ке, который поднимался из морских пучин, показывало, что здесь была тундра с отличными пастбищами, особенно пригодными для мамонтов; средняя температура на перешейке была примерно 10°C.

Исследования показали, что за последние сто тысяч лет между Азией и Америкой мост образовывался дважды: примерно 65—35 тысяч лет назад и поозже — 28—10 тысяч лет назад.

Переход человека из Азии в Америку мог совершиться в любой из этих периодов. В Азии будут найдены камни «бифасы», обработанные с двух сторон точно так же, как и обнаруженные в Америке. А между тем «бифасы» будут найдены в пустыне Гоби, в ее глубочайшей впадине, названной «дном Гоби». Такие камни были и в Прибайкалье, в глубине Северной Сибири. Аляске — они словно будут маркировать путь, по которому шел древний человек из глубин Азии, из Центральной

Якутия. Акварель.
СПб филиал
Архива РАН

ее части, через Прибайкалье, Якутию, Аляску и дальше, рассеиваясь по Америке. Путь был длинный, долгий, длившийся, вероятно, десятки тысячелетий.

Путь, который полностью подтвердит теорию старого ученого.

Подтвердится и другая сторона его теории: в Америке человек не мог появиться эволюционным путем, как это произошло в Старом Свете, говорил он. В Америке нет и не было обезьян, которые могли бы дать жизнь человечеству.

С тех пор, как Хрдличка высказал это мнение, прошло много лет. Ученые подтвердили: да, таких обезьян в Америке нет и не было.

В Америку человек пришел из Старого Света и заселил ее.

Но в тот день, когда Хрдличка посетил Окладникова, всех этих данных наука еще не имела. Факты лишь накапливались.

Но для Окладникова уже было ясно, что если Хрдличка прав, что человек пришел из Старого Света в Новый, то это могло случиться именно в ту пору, когда два материка еще не «разняли своих объятий».

Якутия. Карандаш.
СПб филиал
Архива РАН

* * *

Значит, в ту далекую пору человек уже был здесь, на Лене. Разве его собственные находки в Бирюльках не говорят о том, что в верховьях Лены жил первобытный человек? Несомненно, что первобытные люди пробрались далеко на север. Но где искать их следы? Конечно, у берегов Лены. Она ведет в глубь Северной Азии. Река могла кормить древнего человека, а когда он научился плыть по воде, она служила прекрасным путем сообщения.

Значит, по Лене он и должен начать свое путешествие.

... Голубая дорога от байкальского хребта до Ледовитого океана. Слово из сердца своего знойная Азия шлет привет суровому северу. 5000 километров. Сквозь тайгу и горы, сквозь тундру и Заполярье. То разольется так, что берега синей полоской тают вдали, и кажется, оста-

новились воды, застыли, нежатся в широком раздолье. То сжатые скалами мчатся они навстречу полярным ветрам, перекатывая крутые с белыми яростными гривами волны.

Неужели дорога эта не привлекала первобытного человека?

Здесь было раздолье для дикого мира древних животных. Куда богаче, чем в Европе. Там ледники глухим панцирем придавливали землю в течение сотен и сотен тысячелетий. Ледяная плита толщиной не в один километр. Под нею все умирало. Там на тысячи километров тянулась ледяная пустыня. На севере Азии все обстояло иначе. Ледники надвигались медленно, и в них образовались

1974 г. Аляска,
США.
Архив
А.К. Конопацкого

Якутия. Акварель.
СПб филиал
Архива РАН

Скалы Вилуйских горъ въ Якутской области. Изъ собранія Р. Маака, рис. Вронскій, грав. М. Рапеевскій.

Якутия. Скалы
Вилуйских горъ.
СПб филиал
Архива РАН

прогалины. В ледяной панцирь врезались гигантские языки живой земли, где жизнь шла своим чередом. Росли деревья, поднимались густые травы, цвели цветы, и воздух оглашался пением птиц.

В ту далекую пору Лена текла по голой северной тундре. Такой лысой оставили после себя землю ледники, сползающие в океан. Но жизнь брала свое. Деревья, которые в «живых» языках земли росли рядом с ледниками и привыкли к их ледяному дыханию, вышли из убежищ и зеленым таежным океаном разлились по земле, освободившейся от ледников на тысячи километров.

Так родилась знаменитая сибирская тайга. Это было второе рождение здешней земли. Оно произошло на глазах первобытного человека. Разве находки Окладникова в Бирюльках не говорили о том, что на Лене бывал первобытный человек? И, разумеется, бывал куда севернее, чем Бирюльки.

***

Так, размышляя о Лене, плыл по ней на лодке Окладников.

— Ты о чем задумался? — спросила его Вера Дмитриевна.

— Говоря словами поэта, я хочу сказать, что убежден в главном: Лена нас ведет не только в глубь Северной Азии, но и вглубь тысячелетий.

Свой путь на лодке в неведомый мир прошлого якутов Алексей Павлович начал от села Качуг. И это не случайно. Отсюда начинался древний водный путь по Лене от Прибайкалья в Якутию. А Окладников всегда считал: чтобы изучать людей прошлого, надо в них перевоплотиться. Если это кочевник, значит, надо идти его путем — шаг в шаг.

Это была граница, где кончались земли бурятско-товодов.

Народная память сохранила легенду о том, что здесь на север хотели пройти якуты, но буряты тоже хотели оставить север за собою. Якуты их перехитрили: обошли по горе. Буряты намеревались их догнать, вернуть, но дух скалы, мимо которой им приходилось проходить, заявил: «Женщин не пропущу!» Буряты отказались бросить своих женщин и из любви и преданности им остались здесь.

От этой границы якутских земель и намеревался начать свой путь Окладников для изучения прошлого якутов.

Но предварительно он решил снова побывать у Шишкинской писаницы. Что побудило его к этому? Интуитивное ощущение археолога, что не все там им раскрыто?

В нем жило твердое убеждение: что-то он там недоглядел. И это убеждение было обоснованным: он был у писаниц так мало времени.

Лодочку он остановил у Шишкинской мельницы, забытой, брошенной.

— Это зачем? Что ты тут собрался делать? — недовольно спросил его старик, который плыл с ними.

— Хочу полезть на скалу, — ответил Окладников.

— Ты в уме? — изумился старик. — А знаешь, что там? Буряты эту скалу называют по-своему, а в переводе означает: «Заставляющая вздрогнуть». Вот! Мудреное название? То-то. Шаманское. Сказывают, в старину туда судить водили, наказывать. Кому веры нет, говорят, взбирайся на скалу, ежели брешешь, духи тебя отведова мигом сметут. И конец. Ночью суд творили. От страха свалишься.

— И все равно я туда пойду. А ты?

— Я-то? Чего я там не видел? Не чуди, паря. Не след и тебе туды лазить. Верно шаманы сказывают, наговоры знают. Коровы, говорят, подохнуть может, куры нестись перестанут, на реке клева не будет. Да я не из пугливого десятка, не думай. Ни в какие шаманские наговоры не верю. Только чего мне ввязываться в эту историю.

Он вдруг перекрестился.

— Да ты никак верующий?

— Я-то? С чего взял? Что перекрестился? Да то на всякий случай. Теперь-то, конечно, другое — электричество, кино. Нечисть всякую, стало быть, под метелочку. Да ведь чертей на скале рисовали когда? В тую пору всякое могло быть ...

— Значит не пойдешь? — рассмеялся Окладников.

— Мне и здесь неплохо. А вы идите. Раз уже могилы раскапывал, сам говорил, стало быть, теперь тебе уже все равно. Один ответ.

Окладников хотел сказать: зря боишься, ничего там такого страшного нет, но не стал спорить со стариком. Тимофей относился к числу тех, о которых говорили — «вредный старикашка». Он никогда ни с чьим

***

Курыканская писаница.
Бумага, тушь.
СПб филиал Архива РАН

мнением не соглашался, все делал, как ему вздумается, спорил охотно, визгливо и громко.

Окладников и Вера Дмитриевна поняли старика и старались споров с ним избегать, ни в чем не перечить и жили в общем дружно.

— Валяйте, — сказал старик и, глянув на скалу, снова перекрестился. — А я тут лодку постерегу.

И кивнув на Веру Дмитриевну:

— Да ты никак и ее с собою тянешь? Бабу-то чего горишь?

— Верочка, — обратился Окладников к жене. — Может быть, тебе и в самом деле тут меня подождать. Скала крутая, карабкаться по ней трудно и небезопасно.

— Алеша, запомни: в экспедиции куда ты — туда и я. И всегда так будет.

— Тогда пошли, — улыбнулся Окладников.

Подъем действительно был крутой, тяжелый. Ноги скользили на камнях, малейший неосторожный шаг и можно было сорваться. Окладников то и дело оборачивался, проверяя, как карабкается жена, и выкрикивал: — Осторожно, змея.

Действительно змей было много. Они с шипением расплзались из-под ног и прятались в расщелинах. К тому же, мешал колючий кустарник.

Подниматься пришлось долго, но наконец подъем окончился и перед археологами оказалась отвесная скала. Стена из темно-красного, местами пробуревшего от времени песчаника, на котором были вырезаны и

выбиты камнем изображения людей, животных великое множество:

— Поразительно, — оглядев стену, прошептала Вера Дмитриевна.

— Посмотри, что будет дальше, еще больше удивишься, — ответил Окладников.

И он начал пробираться вдоль скалистых обрывов, а нескончаемый поток рисунков звал его дальше, дальше ... Люди в необыкновенных одеждах со свисающими рукавами, группы людей, животных, птиц. Его внимание привлекли удивительно тонко сделанные птички фигурки. Спустя годы он увидит этих птиц на пожелтевших листах из архива Академии наук в Ленинграде. И прочтет запись о них участника великих Северных и Камчатской экспедиций первой половины XVIII века Г. Ф. Миллера: «Со всех этих изображений, пока они мне были известны по слуху и пока я сам добрался до них, я приказал снять рисунки. Но когда мне удалось их увидеть собственными глазами, мне стало жаль потраченного на зарисовку труда, да и теперь не считаю нужным издавать их».

Шишкинские писаницы, не понятые Миллером, были забыты.

И вот спустя два столетия их вновь открыл Окладников. И также, как при первом посещении, задумался: что обозначают эти рисунки, о каких временах и народах рассказывают?

Странное сочетание реалистических фигур, лошадей

и каких-то фантастических существ. Танцующие человечки вполне реальные, выполняющие древний обряд, и необыкновенные лады, будто бы привезенные сюда за три моря. Рядом — северный олень и неведомо как попавший сюда житель пустыни — двугорбый верблюд. Словно здесь смешались тысячелетия, сплелись юг и север.

— Действительно какая-то адская кухня, — пробормотал Окладников.

И, хотя видел это не впервые, с недоумением рассматривал писаницы.

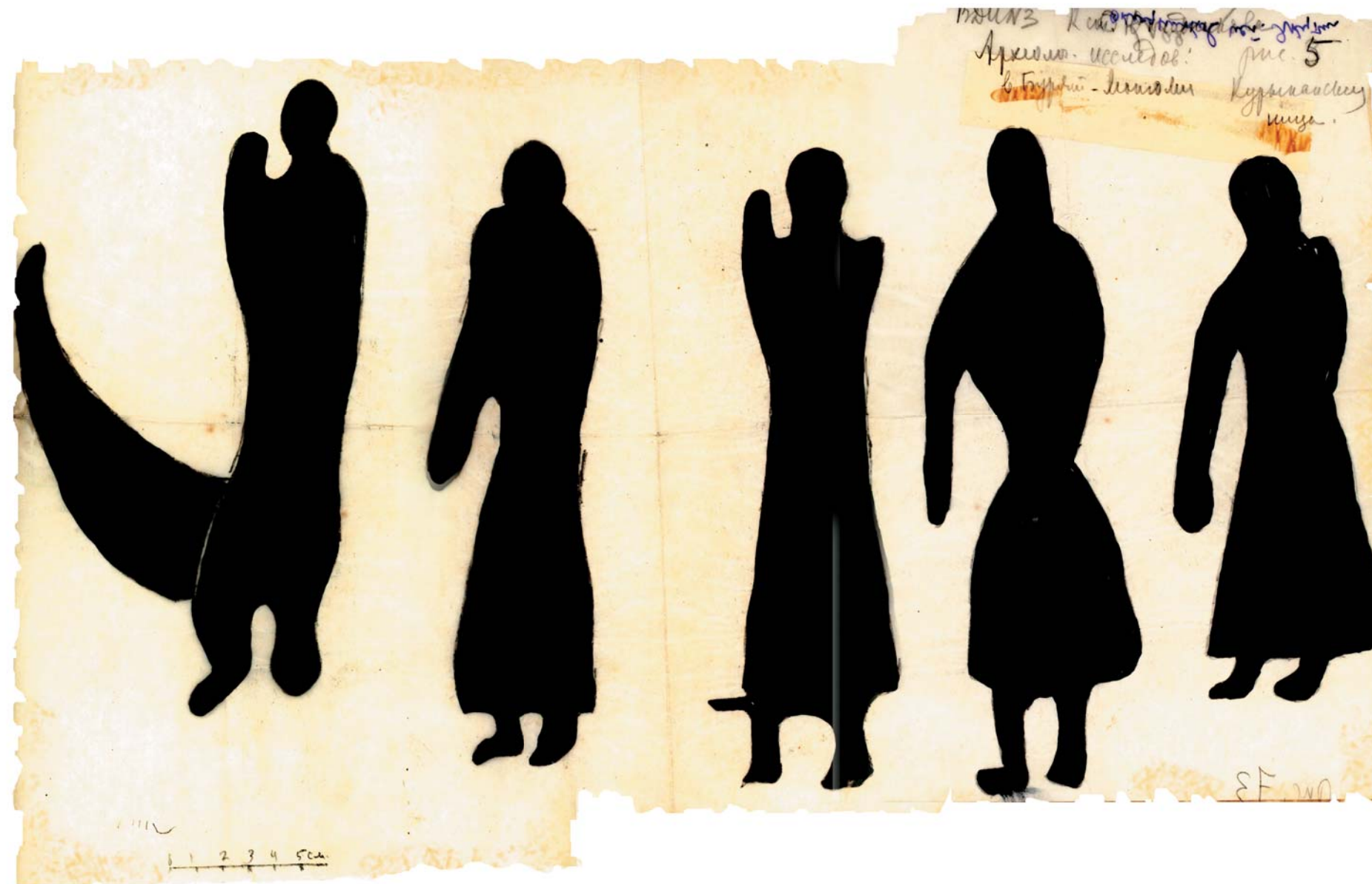
Окладников был тогда еще очень молод. Разве мог он сразу разгадать тайну, которая осталась скрытой даже от такого опытного исследователя, как Миллер?

И все же эта тайна влекла его сюда. Конечно, перед поездкой на Лену он хотел взглянуть на творения древних художников, чтобы окунуться в атмосферу далекого прошлого, настроиться на волну исканий, которая стала бы будить его воображение и вести археолога в его поисках. Все это верно. Однако главная цель его поездки сюда была очерчена точно: найти самый древний рисунок, определить, с какого времени древний художник начал наносить свои рисунки на скалу. А вдруг здесь рисовал палеолитический художник?

Чутье археолога подсказывало ему, что человек древнекаменного века бывал в этих местах, и художник тех далеких времен не мог пройти мимо такого гигантского и удивительно удачного планшета, какой подарила ему природа.

И он продолжал искать рисунки древнейшего человека. Он все больше убеждался, какое здесь великое множество рисунков. Порою даже не хватало места для нового изображения, и художник рисовал по уже готовому.

Но все это были картины более поздних времен, а не палеолита. Между этими эпохами лежали тысячелетия.

Уже было за полдень, солнце припекало, но археолог и его жена, забыв об обеде, продолжали поиск.

— Смотри, какая расселина! — услышал Окладников голос жены, которая шла впереди.

Окладников подошел к ней. Действительно, перед ним была широкая щель в горе и в ней каменная лестница. Он поднялся. Лестница привела его к огромной наклонной плоскости. Глыба песчаника. Время старательно поработало над нею, превратив в гигантский планшет, чуть шероховатый, поблекший, выцветший.

Вера Дмитриевна, уже разглядывавшая их, воскликнула:

— Посмотри, знамена!

— Какие знамена? — изумился Алексей Павлович, не понимая, каким образом в глухую сибирскую тайгу в такую даль времен могли попасть знамена. Это было что-то новое, чего прежде он не находил.

Курыканская писаница.
Бумага, тушь.
СПб филиал
Архива РАН

Пригляделся. Да, Вера Дмитриевна не ошиблась. На скале были изображены всадники с тонкими талиями, гарцевавшие на изящных лошадях, держа в руках знамена на длинных древках, высоко и торжественно поднятых. Знамена с хвостами.

Окладников задумался.

— Это, по всей вероятности, рисунки курыкан, — наконец сказал он. — Занимались они главным образом коневодством. Смотри: на всех узкие кафтаны и высокие сапоги. Одежда тюрков, степных народов. Но как разукрашена лошадь. Культ лошади. Это и друг, и участник

боевых походов, и кормилец. И не случайны знамена. Они у всех азиатских народов окружены ореолом святости. Им приносили жертвы. Бывало — сильнейшего юношу или красивейшую девушку. А иногда рабов, пленных.

Вера Дмитриевна слушала молча, перенося на бумагу наскальные изображения.

— Изображения лошади были у художников и Ассирии, и Египта, и Эллады. И повсеместно было почитание знамен. Так и у сибирских народов. Это еще одно свидетельство того, что у древних сибирских народов, как и у народов Европы, был

культ лошади. Еще один удар по тем, кто пытается представить древние сибирские народы, как отсталые.

— Да, следов других народов тех времен здесь не видно. Только курыкане. Возможно, они и были родоначальниками якутов. Вывод естественен, — согласилась Вера Дмитриевна.

Находка была интересной. Но совсем не это искал Окладников. И он продолжал поиски.

Солнце стало склоняться к горизонту. Закат струился по скалам, бронзовый, тяжелый. Окладников любовался им, когда внезапно на самом верхнем ярусе скалы, потрепавшейся, выветренной, поблекшей заметил полоску, выведенную красной краской. Присмотрелся: была еще одна. Что это? Краска расплылась, была еле заметна. Значит, очень древняя. К тому же красная краска. Ее древние художники любили. В ней они видели цвет крови, источник жизни и силы.

— Верочка, — крикнул он, — кажется, нами обнаружено кое-что особенно интересное. — Жди, я сейчас вернусь.

Он спустился с горы, взял ведро с водой, снова поднялся и смочил эти линии. Проявился хвост лошади, распущенный внизу.

Окладников лихорадочно смачивал скалу. Выступила спина, круп, брюхо, ноги, голова лошади.

— Вера! Кажется, я не ошибся, мы обнаружили нечто необыкновенное.

Он не осмелился еще назвать, что это. Но дальше изучать скалу уже нельзя было. Солнце опустилось за горы. Скалы потемнели, рисунки скрылись, словно ушли в туман далеких тысячелетий, к людям, которых их здесь оставили.

Ночь Окладников провел у костра. Ему не спалось. Он думал о новом найденном им рисунке. Если его предположения верны... Нет, до полной проверки лучше об этом не думать. Археолог — человек, который ищет далекое, неведомое и легко может впасть в ошибку. При

Якутия. Бумага,
карандаш.
1944 г.
СПб филиал
Архива РАН

пылкой фантазии археолог должен больше, чем кто бы то ни было, реально смотреть на вещи. Иначе фантазия может увести глубоко в дебри заблуждений.

На следующий день они начали таскать ведра с водой на скалу и промывать ее. Даже старик решил им помочь. Солнце палило нещадно. От раскаленных скал струился зной, но никто этого не замечал.

— Будя? — спросил старик, с трудом дотащив последнее ведро. — Дух весь, — и кивнув на скальное изображение: — Конь! И еще что тут?

Теперь даже он видел, что рядом с лошадью какие-то странные знаки.

— Надо все обвести мелом, — сказал Алексей Павлович. — Тогда будет ясно, что это такое.

Вера Дмитриевна обводила старательно. Окладников ей помогал. А когда кончили, отошли в сторонку. На потемневшем от воды обнаженном красном песчанике ясно выступила древняя картина. Массивная, может быть даже больше, чем в натуральную величину, дикая лошадь, большеголовая, горбоносая, коротконогая, с крутой шеей и отвислым брюхом. Она походила на дикую лошадь Пржевальского. Такие изображения имеются в пещерах Испании и Франции. Их рисовал человек древнекаменного века. И здесь рисунок сделан в те времена конца ледникового периода, когда еще не было тайги, и кругом расстилалась степь и бродили табуны диких лошадей. Рядом с лошадью — таинственные знаки,

которые легко расшифровывались. Миндалевидный овал под брюхом животного, такой же, как на рисунках пещерных жителей Европы. Знак плодородия. Магический знак — вера первобытного художника в то, что увеличивающиеся стада животных избавят его от мук голода и страха голодной смерти. А зигзаг... Это река, по которой плывет лошадь. Человек древности не случайно выбрал эти скалы. Здесь берег изгибается дугой. По высокому берегу можно было гнать животных и, когда они упадут с обрыва, взять их. На узком повороте животным удобно было вплавь переправляться. У переправы, на берегу, охотнику можно было незамеченным ждать их.

Лошадь словно только что вышла из реки. Удачливый охотник поймал ее и поднял на скалу. «В этом рисунке живут и первобытный художник, и первобытный мыслитель», — подумал археолог.

Лошадь стояла в вышине, головой по течению. Казалось, она вскочила на скалу и мчится над водами реки. И вот так со времен палеолита она провожает их в дальний путь.

В ту пору это был самый древний наскальный рисунок не только в Сибири, но и в Восточной Европе.

Словно на мгновение на полном бегу история остановилась, чтобы рассказать о себе последующим поколениям. И вот застывший миг ее.

— Первобытный художник протягивает нам руку, — прошептал Окладников.

— Гляди-ка, — протянул старик. — Это жеребец. Все у него как положено.

— А ведь он нарисован примерно двадцать тысяч лет назад, — сказал Алексей Павлович.

— Да ну? — изумился старик. — Сколько лет прожил на камне твой конь! Тут дожди были, ливни, град, снег, талые воды. Солнце пекло. Мороз трескучий. Чего только не повидал. Гора эта вся обветрилась и треснула. Гляди-ко: трещина через всего коня прошла. Камень и тот не выдержал. А конь, что нарисован на

нем, целехонек. Краска была особая. Головастые, небось, люди-то были. Вот бы мне такой краски, забор покрасить! — смеясь, закончил он.

Люди палеолита давно исчезли, а творение их навечно застыло на камне, словно глядя вслед ушедшим временам.

Прошли тысячелетия. Миновал ледниковый период. Былая тундра покрылась тайгой, и у подножия писаного камня остановились неолитические охотники. Но они уже охотились на хозяина тайги — лося. Его изображение неолитический художник так же заносит на камень. Снова миновали тысячелетия. Художник бронзового века принес сюда чудовищные образы. Может быть, они рождались в бреду шаманского экстаза? В страну, куда уходит солнце, по реке мертвых направляется процессия людей, и чудовище хочет проглотить солнце. А кругом — таинственные духи с ажурными телами. И наконец, середина первого тысячелетия нашей эры. Рисунки курыкан — первого народа, от которого на Лене сохранилась письменность. Скотоводы, кочевники, владельцы табунов лошадей. И это отразил в те годы художник.

Здесь в течение десятков тысячелетий жили сотни, а может быть, и тысячи поколений людей. И каждое оставило о себе память на скале. Каменная летопись прошлого древних жителей Сибири, начатая примерно двадцать тысячелетий назад, прочитанная археологом.

Но в тот день, побывав здесь, Окладников еще не предполагал, что перед ним одна из величайших каменных летописей, какие знает человечество.

***

Наутро они поплыли дальше по Лене. Солнце уже опускалось, когда Вера Дмитриевна воскликнула:

— Алеша, посмотри, какая красота!

Окладников обернулся. Они проплывали мимо горы, по которой, по

Якутия.
Наскальные
рисунки. Тушь.
СПб филиал
Архива РАН

преданию, прошли на север якуты. Темно-красный скалистый обрыв зависал над рекой, рассеченный зияющими трещинами от основания до вершины. Казалось, великан гигантской секирой пытался расщепить ее и не смог. Лучи заката падали на скалу, и она пылала зловещим бордовым пламенем.

Пылала рядом и река, качая на волнах пылающую скалу, обрамленную зеленой тайгой, и издали

казалось, что это огонь полыхает в малахитовой чаше.

— Изумительно, — согласился Алексей Павлович.

— Чего смотришь? — спросил старик.

На этот раз Алексей Павлович не стал отвечать, знал, что старик скажет: «Нашли красоту, пакость одна — и смотреть-то не на что. И ничего вы не понимаете».

Якутия. Бумага, акварель.
СПб филиал Архива РАН

Он сделал вид, что не слышал вопроса старика, но Вера Дмитриевна была так восхищена рекой, скалой, берегами, что не могла удержаться:

— Тимофей Акимович, взгляните, красота-то какая.

Старик, который любил перечить и только ждал случая, когда будет причина поспорить, тут же взвился:

— Нашли красоту. И чего ты понимаешь? Вон вишь скала помене, взберись на нее, вот она те покажет красоту. Глаз перекусишь. Вот какая красота! А тут что? Тыфу, смотреть неча.

— Что там за красота? — спросила Вера Дмитриевна.

— Залезь, он те покажет.

— Кто он?

— А зачем я говорить буду, шоб он меня по ночам душил?

— Да кто он?

Старик молчал, и Вера Дмитриевна решила использовать, как она говорила, «дух противоречия» старика.

— Понятно, боишься сказать.

Старик тут же взвился.

— Это я-то боюсь? Я ничего не боюсь. И отродясь не боялся. Только чего мне без смыслу в драку лезть? Но уж коли ты говоришь, что я боюсь ...

И вдруг визгливо:

— Так говоришь? Трус я, да, трус? Нет скажи, это я-то трус? Так знай, что там. Вот. Там черный всадник ...

Сказал и замолчал, словно задохнувшись ледяным воздухом.

Окладников повернулся к нему:

— Какой черный всадник?

— А вот такой. Сидит на коне. Весь при оружии. Глянешь и от страху скочуришься.

— А ведь ты-то живой остался, — заметил Алексей Павлович.

— А я не видел. Нет. Что правда, то правда. Бают про него.

— Что бают? — спросила Вера Дмитриевна.

— Разное.

Якутия. Общий вид Вилуйского хребта.
СПб филиал Архива РАН

Общий вид Вилуйского хребта в Якутской области. Из собрания Р. Маака, рис. Бронский, грав. М. Раппельский.

1920
1885
Н И В А
1936
№ 21

— И ничего ты не знаешь, — решила применить прежний прием Вера Дмитриевна.

И ей это удалось.

— Это я-то не знаю? — взвился старик. — Я все знаю. Такое бают, что ночь спать не будешь. Не боишься? Слухай. Так, значит. Пошел один мужик на охоту. Пострелять того, сего, что подвернется. Глянь, всадник на него смотрит. Мужик аж окоченел. Що было дале и сказать не мог. Видят все: аж сам черный стал. И одно твердит: «черный всадник». Лег спать. А утром глядят — помер. И не поймут, с чего бы это? На теле ни царапины, ни заусеницы. Позвали Марфу, что всех лечила. Та поглядела и сразу все поняла. Был, говорит, тут черный всадник. Срубил ему голову, выпустил кровь и голову обратно прирастил. А ничего не видно потому, как прирастил

крепко голову, а кровь сквозь землю просочилась. И с той поры, чтобы кто туда лазил? Ни-ни. Знают: глянешь на него, ночью прискачет и непременно задаст перцу.

Алексей Павлович даже перестал грести, слушая старика:

— Сейчас же причаливаем и поднимаемся на гору.

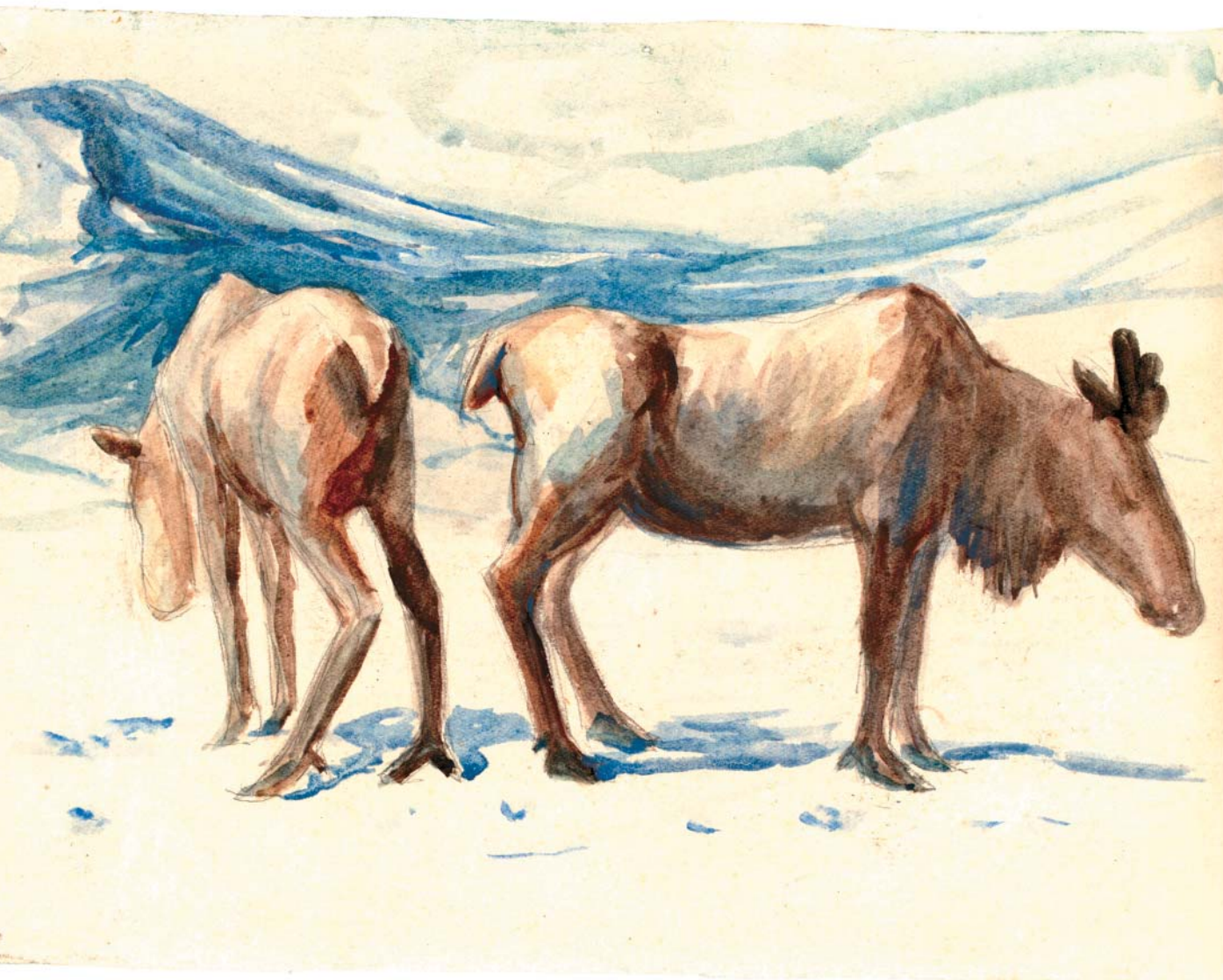
— Ты на Шишкинской горе был? Стало быть, тебе все одно, полезай. А мне что там делать?

— Значит, боитесь, — рассмеялась Вера Дмитриевна.

— Я-то? — тут же вскипел старик, — Что бы я чего боялся? Да? Это что бы я-то стал трус? Да? Пожалуйста. Полезу. Я сам задам жару этому черному всаднику. Ты еще, Дмитриевна, меня не знаешь. Я такое могу ...

И замолчал, видимо, не зная, что же он может такое...

Якутия. Бумага, акварель.
СПб филиал Архива РАН

— Молодец, Акимыч, — вскричал Алексей Павлович. — Именно так надо. По-мужски. Сейчас же причаливаем и лезем на гору.

Старик, услышав это, мигом остыл. Он поглядел на сопки, за которыми уже скрылось солнце и протянул.

— Не, сейчас лезть резону нет. Темнота будет, а мне дохтур сказал, чтобы я в темноту дома сидел. Глаз у меня к темноте не способный. Старый больно.

Алексей Павлович и Вера Дмитриевна переглянулись. Как быть?

— Ну что же, можно и утром, — сказала Вера Дмитриевна.

— Согласен, — подхватил Окладников. — А сейчас причаливаем и кипятим чаек.

— Это можно, — облегченно вздохнул старик, поняв, что храбрости от него по крайней мере до утра не потребуется.

Он даже пришел в хорошее настроение от того, что избавился от похода на гору и у костра беспрерывно рассказывал всякие, как говорил Алексей Павлович, «были и небылицы». Досталось и «черному всаднику». Теперь уже оказалось, что он в грозу скакал среди туч и угрожал всем, кто поднимется на скалу, а одному мужику, который все же осмелился побывать на скале и взглянуть на него, каждую ночь приходил домой, душил, и мужик был вынужден уехать аж до самого «турка».

Алексей Павлович слушал его, посмеиваясь, но похода на гору ждал с нетерпением: изображение «черного всадника» его заинтересовало.

Утром Алексей Павлович и Вера Дмитриевна направились к скале. Старик побрел за ними.

— Куды все — туды и я, — сказал он.

Но всю дорогу бормотал:

— И чего не сидится вам в городах? По горам лазить охочи стали. Что в городе мало вам всякой всячины?

Но постепенно красноречие его стало иссякать: или иссякли силы, или испарилась храбрость. Он примолк и все время поглядывал на скалу, возвышавшуюся впереди, и непонятно было, что таилось в его глазах — страх или любопытство.

В гору карабкаться пришлось недолго. Вскоре тропинка привела к отвесной скале, которая поначалу была скрыта за кедром.

Когда кедрач миновали, Алексей Павлович поднял голову и застыл.

Перед ним на скале был изображен всадник. Черный на черном красавце-коне, вооруженный, в роскошном богатом уборе.

Изображение было великолепное. И конь, и всадник были словно настороже, казалось, готовые сорваться со скалы и мчаться среди сопки, по тайге, в беспредельную даль, мчаться разгоряченными, готовыми к последнему бою.

И Алексей Павлович, и Вера Дмитриевна стояли перед изображением, потрясенные удивительным мастерством художника.

Якутия. Бумага, карандаш.
СПб филиал Архива РАН

Каменные острова. Акварель, карандаш. 1959 г. СПб филиал Архива РАН

— Всегда ни на одной писанице ничего подобного я не видела, — сказала Вера Дмитриевна.

— Ты посмотри сюда. Это самое главное, — сказал Алексей Павлович и кивнул на надпись, выведенную на скале.

Под изображением была одна строчка. Всего одна. Но это была вырезанная ножом руническая надпись. Да, да, именно руническая.

— Ты понимаешь, что это такое? — спросил Алексей Павлович.

— Это тюркская надпись.

— Совершенно точно. Тюркская запись, оставленная нам курыканами. Возникает мысль: а не курыкане ли были прародителями якутов? Они оставили якутам тюркскую письменность, но якуты ее забыли. При таком предположении становится оправданной легенда об Эллее, который привез грамоту и потерял.

Он подумал и употребил поговорку, которую так любил Петри.

— Конечно, одна ласточка еще весны не делает. Посмотрим, что покажет будущее. Но мне думается, что мы на верном пути.

Старик заметил, что с его спутниками ничего не происходит дурного, и также подошел к скале.

— Не бойся? — спросил он у Окладникова.

— Нет, — рассмеялся археолог и похлопал ладонью по изображению.

— Вот и я не боюсь, — сказал старик и также начал похлопывать по скале. — А ведь такое наговорят... Что только народ не придумает.

Со скалы спустились под вечер. Старик, который еще раньше спустился к реке, что-то помешивал в котелке, кипевшем на костре.

— Рыбки наловил, сейчас ущицей вас угощать стану, — сказал он. — Я насчет ущицы великий мастер. Ущица и сёдни будет наваристая. А у вас как там наверху навар был?

— Хватило, — улыбнулся Алексей Павлович.

Старик снова помешал в котелке и продолжал.

— Ущица — она рыбу хорошую любит. Ежели рыба была хорошая, ущица — на славу. А ежели злая, и уха никуда. Одне кости. У кажинной рыбы свой нор. Вот, скажем, налим... Ему что? Ему воду подай погорячей да посолоней. Тогда он сам в рот просится. А ежели вода холодная? Он те назло весь рот раздерет. А таймень или сазан? Ты их ошпарь кипятком, так оне те спасибо скажут, так убогостоят, век помнишь будешь. Что таймень, что сазан, что налим — рыбы знатные, с нором. Ежели что не по ним — лучше не трож их.

— А что сегодня варите? Сазан, таймень, налим? — спросила Вера Дмитриевна.

— Куда там? Разве эта рыба мой крючок возьмет. И не глянет на него. Ей крючок с фасомом, с фердом подай, вот тот она проглотит с удовольствием и еще спасибо скажет. В ножки поклонится. А я что? Карасей наловил — и то ладно. Карась понимает, что ему крючка с фасомом не видать, а стало быть, и в котле не бывать. Он и моему крючку рад радешенек.

— Очень даже рад, — рассмеялась Вера Дмитриевна.

— Дед, что ж ты варишь карасей, а разговор повел о налиме, сазане, таймене?

— Так ведь о тех рыбах и разговор скуснее. А о карасе что толковать? Все одно, что кости его во рте молоть. Хватит с него, что в уху его взять сподобили, пусть и за то спасибо говорит.

— Это нам спасибо? — рассмеялась вновь Вера Дмитриевна. — А я думала ему.

— А ему-то за что? Вестимо нам. Ежели бы не я, так бултыхался бы он в реке без толку. А так, вишь, какую уху нам сподобил? Ты попробуй.

Уха была в самом деле чудесной, как правильно сказал дед: «Ущица удалась на славу».

Вера Дмитриевна и старик отправились по палаткам спать, а Алексей Павлович остался у костра, достал дневник и приготовился к записи.

Мысль вернулась к древнему искусству. Оно действительно вновь открыло Окладникову окно в мир прошлого.

В который раз уже.

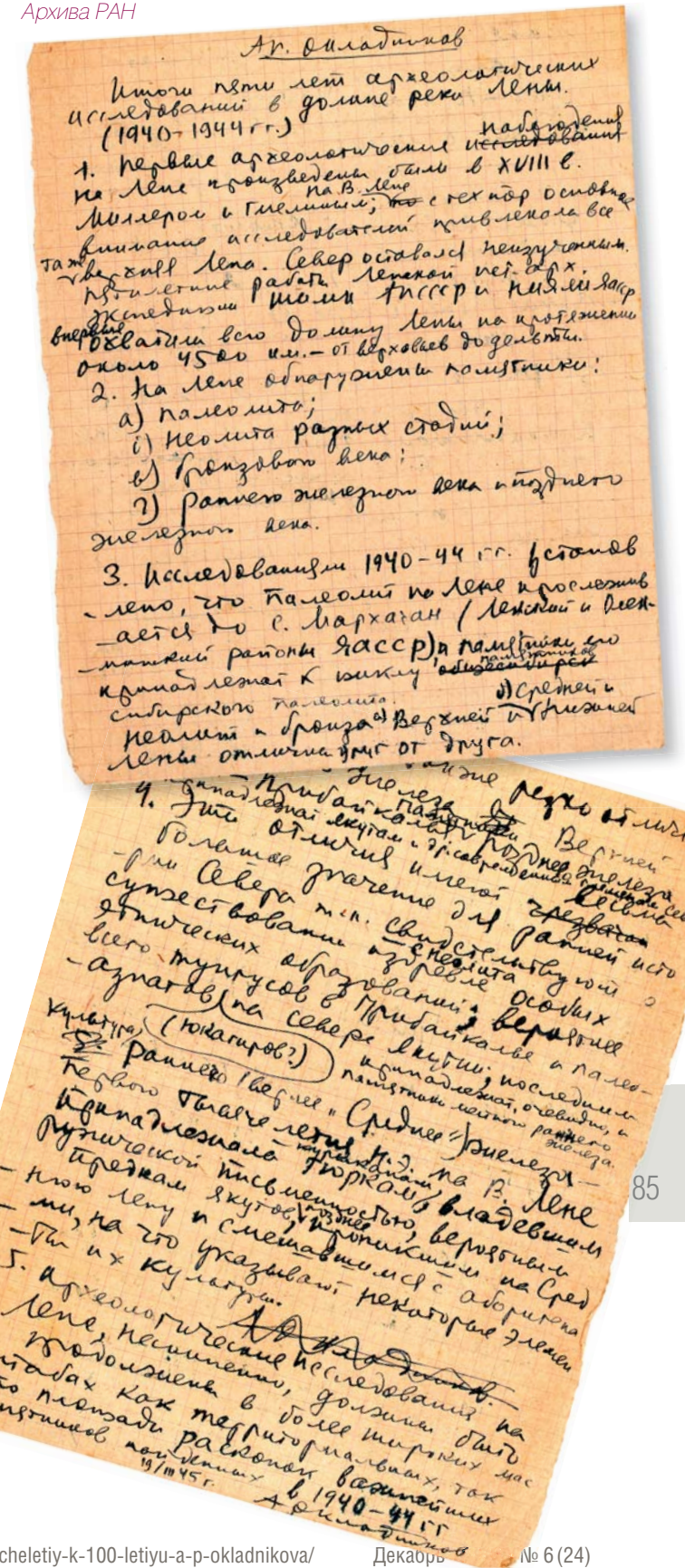
Вспомнился вдруг ясный солнечный день. Кругом шумела дикая первозданная Ангарская тайга и, рассекая ее, с неудержимой силой мчалась Ангара. Глядя на нее, Окладников вспомнил, что в Байкал втекают триста тридцать рек и речек, а вытекает только одна. Но она одна вычерпывает из Байкала воду, которую приносят в озеро впадающие в него реки.

Глядя на Ангару, он думал о том, что перед ним совсем не одна река, а триста тридцать. Силища.

Он плыл тогда на небольшой рыбачьей лодке, когда увидел впереди первый Каменный остров.

Круто обрывающиеся к воде скалы, сложенные плотным песчаником, отполированные водой и ветром, выглядели угрюмо. Неслучайно они вызывали у первобытных людей суеверное

Итоги пяти лет археологических исследований в долине реки Лены (1940—1944 гг.). А. П. Окладников. СПб филиал Архива РАН

чувство страха, и из поколения в поколение об этих скалах передавались предания и легенды. За первым Каменным островом — второй, еще более неприступный и величественный, а за ним — третий. словно три каменных стража стояли, охраняя вход в большую Ангару. А над скалами, как зеленый венец, шумели вековые сосны и ели.

И на всех трех островах Окладников нашел множество рисунков. Удивительно богатый внутренний мир древнего человека был в них отражен. Животные, птицы, рыбы. Они выполнены были мастерски.

Впоследствии острова будут залиты водой при строительстве Братского моря. И все же Окладников лучшие рисунки сумеет сохранить для истории: они будут выпилены из скалы.

Многие рисунки обладали удивительным свойством. Они появлялись на заре и жили недолго в лучах утреннего солнца, а днем исчезали, чтобы вновь появиться при вечернем закате. Они жили только при лучах солнца, падавших на них под углом.

Созданные 5–6 тысяч лет назад, они, как живые, вставали перед молодым археологом.

Ничего подобного он прежде не видел. Многие рисунки запомнились надолго.

Но воспоминания об одном он сохранил на всю жизнь.

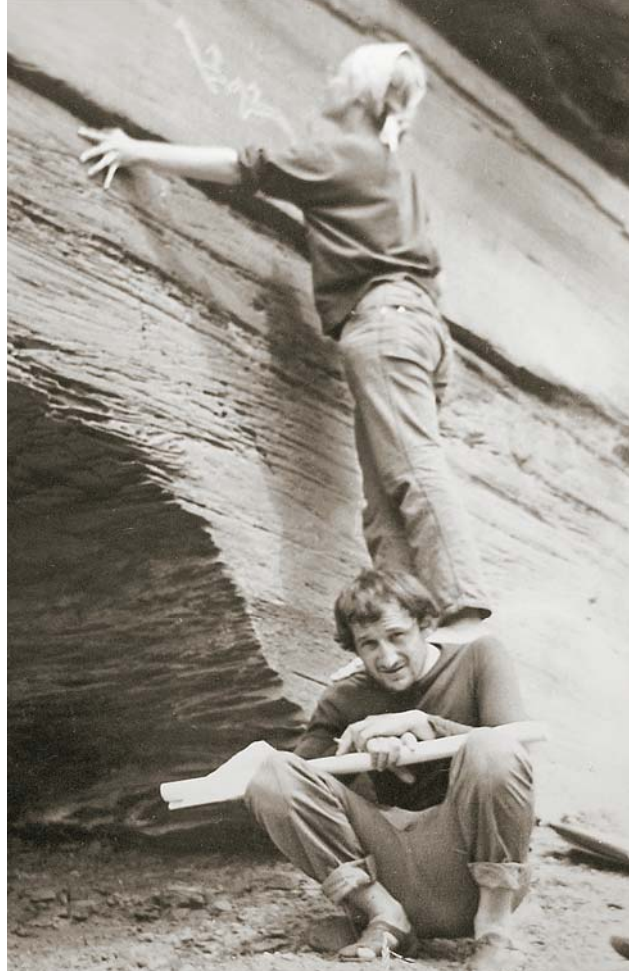
Голова лосихи. Любовно очерченный контур. Длинные уши напряжены. Они как живые. словно живое нервно перебирает ими, чутко вбирая лесные шорохи. Широко раздутые ноздри, четко очерченная губа, кажется, нервно вздрагивает. Но самое удивительное — глаза. Сквозь тысячелетия они внимательно и настороженно смотрят на вас. Окладников спокойно, с интересом разглядывал эту голову, и вдруг его глаза встретились с глазами лося. И он отпрянул. Казалось, они с укором смотрели на него: кто ты, незнакомый человек, зачем пришел, зачем тревожишь мой вековой сон? Он отошел от скалы и снова вернулся. Да, глаза смотрели на него, как живые. На этот раз в них он прочел что-то новое. Он пригляделся и понял: в них жила мольба. Если ты с добром пришел ко мне, человек далекий, помоги мне, освободи от векового каменного плена.

Глаза жили. В них теплились и страдание, и мольба, и укор!

Так ему казалось. А может быть, это породила фантазия археолога? О, чего только не сотворит она.

Когда он отошел от каменного лося, у него было такое ощущение, что кто-то следит за ним. Он оглянулся и замер: животное глядело ему вслед. Да, да, его взгляд неотступно следовал за археологом. Окладников для интереса несколько раз прошел мимо лосихи и она не отрывала от него взгляда. Она следила за ним, и ему стало не по себе.

Бессмертные кисти художника дало жизнь рисунку на камне.

Шишкинские скалы, 1971 г. Дочь Елена продолжает дело отца. Архив В. П. Мильникова

На всю жизнь Алексей Павлович сохранит воспоминание об этом взгляде застывшего на камне изображения животного.

Вспомнив этот рисунок, он записал в дневник:

«Каждый, кто хочет заглянуть в душу древнего человека, понять ее, раскрыть его духовный и эстетический мир, его взгляд на жизнь, на самого себя, наконец, и понять, что его окружало, что волновало, тревожило и радовало, должен попытаться раскрыть, продумать наскальные изображения прошлого».

Подумал и записал:

«Искусство раскрывает прошлое древнего человека. Это окно в давно исчезнувший мир».

Мелькнула мысль: «Может быть, и в самом деле находка Веры Дмитриевны раскрывает истоки якутского народа? Знамена, всадники, курькане. Это, конечно, искусство курькан, предков якутов».

Шишкинские писаницы дают основание это утверждать.

И вот еще одно свидетельство тому же: черный всадник.

* * *

В ту ночь, как это нередко бывало с Окладниковым, он видел во сне то, что волновало его днем. Но почему-то видел не всадника, а его лошадь. Стройная, быстроногая, она то мчалась по скалам, то замирала точно на той скале, где ее остановил художник, навечно. Археолог спокойно смотрел на нее. У него было ощущение дрессировщика, который наконец заарканил лошадь и был уверен, что она не уйдет.

Да, никуда теперь не денется ни лошадь, ни всадник, как никуда не денутся и всадники со знаменами с Шишкинских скал. Теперь они, скопированные, навсегда останутся в истории искусства древних ленских народов.

В истории предков якутов.

У Шишкинских скал с местными ребятами, 1976 г. Архив В. П. Мильникова

